

Михаил Соколовский

16+

Страх (комедия)

Пьеса

Михаил Соколовский
Страх (комедия)

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Соколовский М. А.

Страх (комедия) / М. А. Соколовский — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Михаил Афанасьевич Булгаков встречает Елену Сергеевну, любовь всей своей жизни, свою Маргариту. Но видеться им запрещает её муж, командующий Евгений Шиловский, грозит, что запретит сыновьям видеться с матерью. Но Елена Сергеевна несчастлива с успешным, обласканным властью генералом Шиловским и счастлива с нищим писателем Булгаковым, несмотря на то, что пьесы его запрещены, прозу его не печатают, а личный телефонный звонок Сталина лишь даёт Булгакову номинальную должность, позволяющую не умереть с голоду. А Елена Сергеевна счастлива. Страх сковывает всех. Справиться с ним помогают шутки, розыгрыши, смех... Автор фото на обложке неизвестен.

© Соколовский М. А., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Действующие лица:

Булгаков Михаил Афанасьевич, писатель, драматург, 39-49 лет.

Елена Сергеевна Шиловская, впоследствии Булгакова, 3-я жена Булгакова, 37-47 лет.

Белозёрская Любовь Евгеньевна, 2-я жена Булгакова, 35 лет.

Мандельштам Осип Эмильевич, поэт, 40 лет.

Пастернак Борис Леонидович, поэт, 40-50 лет.

Ахматова Анна Андреевна, поэт, 41-51 год.

Эрдман Николай Робертович, писатель, драматург, поэт, 29-39 лет.

Ильф Илья Арнольдович, писатель, 33-39 лет.

Петров Евгений Петрович, писатель, 28-34 года.

Катаев Валентин Петрович, брат Петрова, писатель, 33-43 года.

Олеша Юрий Карлович, писатель, 31-41 год.

Вересаев Викентий Викентьевич, писатель, 63-73 года.

Станиславский Константин Сергеевич, актёр, режиссёр, основоположник МХАТа, 67-75 лет.

Немирович-Данченко Владимир Иванович, драматург, режиссёр, основоположник МХАТа, 72-82 года.

Сталин Иосиф Виссарионович, первое лицо в СССР (генеральный секретарь ЦК ВКП(б) и прочая...), 52-62 года.

Штейгер Борис Сергеевич, бывший барон, ныне – сотрудник компетентных органов, 38-45 лет.

Шиловский Евгений Александрович, муж Елены Сергеевны, начальник штаба Московского военного округа, 40 лет.

Женя Шиловский, сын Шиловского и Елены Сергеевны, в 1 действии 10 лет, во втором – 16 лет.

Серёжа Шиловский, сын Шиловского и Елены Сергеевны, в 1 действии 6 лет, во втором – 12 лет

Немка, Екатерина Ивановна Буш (Лоли), гувернантка детей Шиловских, 40-50 лет.

Мелик-Пашаев Александр Шамильевич, дирижёр Большого театра, 32 года.

Егоров, директор МХАТ, около 40 лет.

Мессинг Вольф, гипнотизёр, медиум, предсказатель, 37 лет.

Хмельёв Николай Павлович, актёр, 35 лет.

Станицын Виктор Яковлевич, актёр, 43 года.

Коренева Лидия Михайловна, актриса, около 50 лет, но скрывает возраст.

Мейерхольд Всеволод Эмильевич, режиссёр, 64 года.

Райх Зинаида Николаевна, актриса, жена Мейерхольда, 45 лет.

Иещуа, около 27 лет.

Ягода Генрих Григорьевич, нарком внутренних дел, 44 года.

Режиссёр, Судаков Илья Яковлевич, режиссёр спектаклей по пьесам Булгакова во МХАТе, 46 лет.

Груня, домработница, «из простых».

Наташа, «интеллигентная» домработница.

Буллит Уильям, посол США в СССР, 48 лет.

Луиза, жена посла, 54 года.

Знакомый Булгакова на балу, Афиногенов Александр Николаевич, драматург, 33 года.

Ушакова Наталья, художник, жена Николая Лямина, друга Булгакова, 31-38 лет.

Страховой агент.

Переводчица.

Врач.

Утёсов Леонид, актёр, певец, 38 лет.

Серьёзный прохожий.

Недовольный дед.

Старушка.

Милиционер.

Гражданин в пиджаке.

Продавщица воды.

Молодой человек за соседним столиком в ресторане.

Молодой человек, жаждущий пива на бульваре.

Служащая вокзала.

Фельдъегерь.

Курьер.

Николай Лямин (друг Булгакова), лысый со светлым взглядом, без текста, 38 лет.

Топлёников Сергей (друг Булгакова), художник, интеллигентный, худой в очках с толстыми линзами, без текста, около 40 лет.

Секретарша Штейгера, без текста.

Прохожие, милиционеры, танцующие на бульваре, гости в квартире Булгакова, гости бала в резиденции посла, актёры МХАТ, артисты Большого театра, писатели на похоронах, друзья Булгакова, чекисты, члены правительства Сталина, музыканты, зрители в Большом театре, посетители и сотрудники одного из московских учреждений, парад физкультурников, похоронные процессии, парад весёлых коров, официанты.

Место действия: Москва. Квартира Булгакова, Гоголевский бульвар, Патриаршие пруды, Репетиционный зал МХАТ, зал Большого театра, учреждение, резиденция американского посла, зал клуба писателей, улица.

Время действия: 1930 – 1940 гг.

ДЕЙСТВИЕ I.

Картина 1.

Гроза гремит над Москвой, над Гоголевским бульваром. Сквозь струи воды видна не поддающаяся никакому описанию громада Храма Христа Спасителя, шумит и вскипает река под дождём. Тёмный день.

Москва строится, ширится. Социалистическое строительство ведётся широко и всеобъемлюще, обещает весёлое светлое будущее, новый, удобный и красивый город, но пока причиняет москвичам одно неудобство: грязь, теснота, над ямами – деревянные узкие мостки вместо широких тротуаров, на Пречистенку с бульвара перейти вообще нельзя, приходится обходить по Гагаринскому переулку...

Люди теснятся, проталкиваются, ругаются, идут, подняв вороты, опутив на глаза шляпы, скрывшись под зонтами... Суетятся, спешат, кривя от дождя озабоченные лица.

Снова гремит гром и какая-то старушка крестится.

Старушка (*шепчет*). Господи-Иисусе...

На неё косится прохожий серьёзного вида, старушка замечает взгляд, пугается, от страха крестится ещё раз, снова пугается сама себя, убегает. Серьёзный прохожий делает движение пойти за ней, но поскользывается на мокрых досках, падает, глухо ударяясь задом.

Громко чертыхается. К нему спешит другой прохожий в большой шляпе и чистых лакированных туфлях, несмотря на грязь и дождь.

Прохожий в шляпе. Держитесь! Что же вы! (*подаёт ему руку*)

Серьёзный прохожий (*опирается на руку второго, встаёт*). Ох, спасибо! Да вот... превратили Москву чёрт знает во что!

Прохожий в шляпе. Большое строительство... Ну, может, в самом деле, потом лучше будет!

Серьёзный прохожий (*вдруг начинает лепетать*). Нет-нет! Я ничего! Дело нужное... Благоустройство! Я понимаю!..

Недовольный дед (*протискивается по мосткам мимо прохожих*). Ну, чего вы раскладываетесь, граждане? Нашли место! Пройти же нельзя!

Серьёзный прохожий (*непонятно, кому, деду или прохожему в шляпе*). Извините... извините...

Недовольный дед. Кончай кивать! Топай давай! Интеллигент!

Серьёзный прохожий. Я? Да что вы! Я... никогда... (*окончательно теряется, прохожему в шляпе*) Простите...

Серьёзный прохожий уходит, недовольный дед его подталкивает. Прохожий в шляпе смотрит ему вслед, иронично усмехнувшись, потом видит идущую ему навстречу женщину. Он замирает, потрясённый: женщина в самом деле необыкновенно красива. И идёт она, как будто не замечает дождя, хотя ни поднятого воротника, ни зонтика у неё нет. Нет ни сутулившихся плеч, ни семенящей бегущей походки. При этом её одежда не выглядит мокрой, это какое-то волшебство, дождь как будто её не касается. Она несёт в руке букет роз, на них стекает вода с её элегантной шляпки. И если дождь как-то заставляет её изменить своё обычное поведение, то это выражается лишь в том, что глаза она держит полуприкрытыми. Впрочем, может, и это её обычная манера. Она протискивается мимо прохожего в шляпе, не глядя на него, а он всё время следит за ней, кажется, что он внезапно поражён её красотой.

Женщина. Простите!

Он уже открыл рот, он хочет сказать что-то, может, окликнуть, вот и сказал, но тут гремит гром, и его слов не слышно! Не услышала и она. Молния поражает тусклые под тучами купола храма, на мгновение они вспыхивают. Женщина уходит. Гремит гром ещё раз. А прохожих становится больше, теснят, ругаются. Прохожий в шляпе не выдерживает, вытягивается и хватается женщину за руку. Женщина вскрикивает.

Женщина. Вы что! Пустите! Я милицию позову!

Прохожий в шляпе. Не надо милицию... Елена Сергеевна!

Женщина. Что такое? Вы меня знаете? Вы что, хотите меня арестовать?

Прохожий в шляпе. Почему сразу?.. Неужели вы?.. Я так изменился?

Он опускает воротник, снимает шляпу. И тут мгновенно прекращается дождь и исчезают прохожие. Они одни на деревянных мостках, переброшенных через строительную яму. Блондин с ярко-синими глазами в хорошем, но старом сером костюме и очень красивая загадочной красотой женщина почти одного с ним роста.

Елена Сергеевна. Миша...

Она рада, но и, кажется, напугана: вдруг воровато оглядывается. Он улыбается, он любит её. Она разворачивается и уходит. Булгаков, а это именно он прохожий в шляпе, теперь, впрочем, без шляпы, пытается её удержать.

Булгаков. Люся! Куда же ты?

Елена Сергеевна. Мы не должны видеться... Так нельзя!

Булгаков. Почему?

Елена Сергеевна. Мы обещали. Помнишь?

Булгаков. Но ведь мы встретились. Просто так, на улице. Это судьба!

Елена Сергеевна. Это случайность.

Булгаков. Ты не веришь в судьбу?

Елена Сергеевна мотает головой и делает два шага прочь. Булгаков снова хватается её за руку, властно разворачивает к себе.

Булгаков. А розы? Разве это не знак?

Елена Сергеевна. Нет. Это просто мне подарили.

Булгаков. Кто? Я не потерплю! Я не позволю! Я вызову его на дуэль!

Елена Сергеевна смеётся. Он лобует её смехом.

Елена Сергеевна. А есть ли у вас право на это, Михаил Афанасьевич?

Булгаков. Хочу, чтобы было.

Пауза. Смотрят друг на друга, становятся серьёзными.

Булгаков. Я не могу без тебя.

Елена Сергеевна. И я без тебя.

Он подаёт ей руку. Она бросает розы в строительную яму, продевает свою руку в перчатку с раструбом в его, и вместе они уходят.

Картина 2.

Квартира Булгаковых. Обстановка скромная, но очень много книг. На стене висит портрет молодого, довольного собой Булгакова. Дождь за окном. Булгаков и Елена Сергеевна сидят за небольшим столиком, на котором два бокала с красным вином. Оба курят папиросы. Она смотрит в пространство всё так же полуприкрыв глаза, он лобует её, подперев лоб рукой. На заднем плане разобранная постель, на Елене Сергеевне – халат, на нём какая-то пижама, тапочки на босу ногу. Вьётся дым от двух папирос. Оба, кажется, счастливы. Покой.

Булгаков. Я уничтожен. Не возражай, я знаю, что говорю. Десять лет я занимался литературной работой, четыре последних года – писал пьесы... Был успех и желание работать. Четыре пьесы за четыре года. К новому сезону все они запрещены ГЛАВРЕПЕРТКОМом... Даже «Бег», который ещё и поставлен-то не был. Ни одной моей строчки в России напечатано быть не может. От одной фамилии «Булгаков» все шарахаются. Впереди у меня неизвестность, катастрофа и гибель.

Елена Сергеевна (*выпустив струю дыма, не глядя на Булгакова*). Он не отдаст мне мальчишек.

Булгаков. Всё правильно. Так и надо. Беги от меня! Или погибнешь вместе со мной...

Елена Сергеевна. Моя жизнь скудна...

Булгаков. Твоей жизни позавидовали бы почти все знакомые мне женщины! Твой муж большой человек, у тебя прекрасная квартира в таком доме! У твоих детей немка-воспитательница, у тебя – домработница! Ты никогда не прикасалась к примусу и не знаешь ужасов проживания в общей квартире!

Елена Сергеевна. И тем не менее. Я не счастлива ни одной минуты!

Булгаков. Ты и со мной не будешь счастлива... (*Он берёт в руки её голову*). Но это ничего. Ты одумаешься и уйдёшь от меня.

Елена Сергеевна. Позволь уж мне самой решать...

Булгаков (*мотает головой*). Нет, не позволю. Я всё обдумал. Я хочу уехать.

Булгаков ходит по комнате, нервно потирая руки.

Елена Сергеевна. Как? Когда? Куда?

Булгаков. Куда угодно. За границу. Если я здесь не нужен, пусть отпустят! Я напишу им письмо. Я писал уже, но теперь я напишу такое письмо! Настоящее. Окончательное! Не отпустят – застрелюсь!

Елена Сергеевна. Я не смогу поехать с тобой. Я жена командующего Шиловского. Его детей точно не выпустят, даже если бы он мне их отдал.

Булгаков. Вот и хорошо. Вот и хорошо! Вот всё и решится!

Елена Сергеевна. Что ж... Значит, это было прощанием...

Булгаков. Нет, подожди... Мы ещё увидимся! Пока ещё письмо пройдёт по инстанциям, пока дойдёт до ЦК...

Булгаков обнимает Елену Сергеевну.

Елена Сергеевна. Стало быть, так-таки до самого ЦК?

Булгаков. Пока его рассмотрит политбюро, Алексей Максимович Пешков-Горький и Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин... Мы пока можем быть вместе!

Она отстраняется.

Елена Сергеевна (*полушутливо оскорбляясь*). Что это вы мне предлагаете, Михаил Афанасьевич?

Булгаков. Ничего. Мне нечего тебе предложить. Я нищ и раздавлен. Но говорить, что я не люблю тебя, – значит, отрицать очевидное.

Поцелуй.

Белозёрская. И всё-таки, Миша, у тебя mania grandiosa. Кто ты такой, чтобы твоё письмо читал Сталин?

Булгаков и Елена Сергеевна отскакивают друг от друга, смущаются. Оказывается, Любовь Евгеньевна Белозёрская, жена Булгакова, уже некоторое время стоит в дверях и наблюдает за влюблёнными не скрываясь. Просто они её не замечали. Это элегантная, следящая за собой женщина, одетая с лёгким налётом вульгарности времён уже устаревшего НЭПа. Посмотрев на резко поглупевшие физиономии любовников, Любовь Евгеньевна раздражается хохотом.

Елена Сергеевна. Люба! Давно ты здесь? Это не то, что ты думаешь!

Булгаков. Что ты говоришь, Люся? Зачем? Это именно то, что ты думаешь, Люба. И почему бы Сталину не прочитать моё письмо, если он ходил на мою пьесу пятнадцать раз!

Белозёрская. Ходил-ходил, а потом запретил.

Булгаков. Нет! Это не он! Это всё ГЛАВРЕПЕРТКОМ!

Белозёрская. Так, значит, нет мании величия. А тебе, Люся, очень идёт мой халат. Хочешь подарю?

Елена Сергеевна. Извини...

Она начинает стягивать с себя халат. Люба успевает понять, что под халатом ничего нет.

Булгаков. Что ты делаешь, Люся?

Елена Сергеевна. Простите. (*Снова закутывается в халат*)

Белозёрская. Да не стесняйтесь так, товарищи! В конце концов – дело молодое!

Булгаков. Люба, тебе это не идёт.

Белозёрская. Что не идёт? Ты что-то не так понял. Я совершенно не против того, чтобы вы... Одним словом, у меня тоже есть человек, с которым я собираюсь ехать в Маньчжурию. Не знала, как тебе сказать. Так даже легче. Кстати! Я достала осетрину. Первого сорта, но второй свежести... Вы пока приведите себя в порядок, а я приготовлю бутерброды. Отметим начало новой жизни! И про халат, Люся, – правда, возьми его, мне будет приятно.

Булгаков. Однако, я всё-таки поражаюсь твоему спокойствию! И даже как-то тянет устроить сцену.

Белозёрская. Миша, я тебя прошу, оставь это мещанство. В конце концов, мы люди зрелые, и все мы тут не в первом браке. Одевайтесь и приходите на кухню пить чай.

Белозёрская уходит. Булгаков смотрит на Елену Сергеевну смущённо. Елена Сергеевна подавлена.

Елена Сергеевна. Никакого человека из Маньчжурии у неё нет.

Булгаков. Ты полагаешь?

Елена Сергеевна (*живает*). Просто она знает, что Женя-большой меня не отпустит. Она великодушна, и не добавляет нам... скандала...

Булгаков. Однако, какое самообладание!

Пауза.

Булгаков. Послушай, но ведь тогда я хочу... я обязан... одним словом, в письме правительству я напишу, что поеду с ней. А то без жены как-то несолидно...

Елену Сергеевну это неожиданно задевает, она вскидывает глаза на Булгакова, тот внимательно смотрит на неё, они бросаются друг другу в объятия.

Картина 3.

То же место, что и в первой картине, выход с Гоголевского бульвара к набережной. Только теперь купола Храма Христа Спасителя сияют на ослепительном весеннем солнце. Люди беспечно гуляют, никуда не торопятся, любят. Вот гражданин, воротник рубашки которого широко лежит на воротнике пиджака, кушает мороженое. А вот другой, средних лет, тучный, вытирает платком лоб, жарко ему. Вот он увидел тележку с напитками и продавщицу в кокетливой наколке, подбежал.

Гражданин. Дайте нарзану.

Продавщица. Нарзану нету.

Продавщица обиженно надула губки.

Молодой (*подходя*). Пиво есть?

Продавщица. Пиво привезут к вечеру...

Молодой машет рукой, отходит.

Гражданин. А что есть?

Продавщица. Абрикосовая, только тёплая.

Гражданин (*нетерпеливо*). Ну, давайте, давайте, давайте!

Мимо бульвара, перескакивая по тем же мосткам и толкаясь, бегут люди. Вот встретились двое, явно знакомые. Один высокий и широкоплечий, с огромными глазами и пухлыми губами, одетый в прекрасный костюм, ладно сидящий по фигуре, второй маленький, сутулый и тщедушный, с глазками бегающими, в каком-то сером неопрятном балахоне.

Высокий (*зычным носовым басом*). Здравствуйте! Вы выздоровели, наконец? Очень рад!

Маленький (*суетливо, затравлено*). А, это вы? Что ж, кстати. Я новое стихотворение написал, не хотите послушать?

Высокий. Конечно! С удовольствием!

Недовольный дед. Граждане, тут нынче нельзя стоять, затор получается! Вот построят метро, благоустроят улицы, вот тогда будет просторно! А нынче надо потерпеть!

Маленький. Идите сюда.

Маленький хватает высокого за рукав и отводит в сторону, противоположную той, в которой у тележки с водой стоит плотный гражданин и пьёт абрикосовую воду.

Маленький. Слушайте!

Тут у паркета набережной начинает играть оркестр. Играет он оглушительно фокстрот «Аллилуйя!». Начало его даже пугает некоторых гражданок, они шарахаются. Оркестр заглушает чтение стихов, хотя маленький их читает, а высокий внимательно слушает, низко нагнувшись, оба не обращают никакого внимания на музыку. Некоторые прохожие вдруг начинают танцевать под фокстрот, разбившись парами, другие – смотрят. Смотрит и гражданин, допивший свою абрикосовую. Сперва он улыбается, глядя на танцующих девушек, но потом начинает мучительно икать в такт оркестру. Он стесняется собственной икоты, пытается с ней справиться, но, от того, что он задерживает дыхание, она делается только громче. Лицо высокого по мере слушания меняется: сначала оно было доброжелательно-веж-

ливным, потом улыбка с него сползла, он выпрямился, ухо больше не наклонено к устам маленького, глаза стали металлическими, смотрят на дочитывающего сурово, почти зло. Наконец, маленький дочитал, и смотрит выжидательно на высокого. Но при этом, кажется, он не ждёт одобрения, он испытывает облегчение от того, что не держит этого больше в себе. Оркестр выдаёт последний протяжный аккорд, бьют тарелки, гражданин последний раз оглушительно икает, что в наступившей тишине слышится совсем уже отчетливо и громко. Гражданин подхватывает двумя руками портфель и скрывается. Пары распадаются, все снова идут по своим делам, а маленький, всё заглядывает в глаза высокого, всё пытается понять, какое впечатление произвели на него его новые стихи?

Высокий. Вот что я вам скажу, Осип Эмильевич. То, что вы мне прочли, не имеет никакого отношения к литературе, поэзии. Это не литературный факт, но акт самоубийства, которого я не одобряю и в котором не хочу принимать участия. Вы мне ничего не читали, я ничего не слышал и прошу вас не читать их никому другому.

Высокий, а это, как уже догадался читатель, Борис Пастернак, идёт в сторону тележки с водой, в сторону Волхонки. Маленький, а это, конечно же, Мандельштам, смотрит ему вслед со смесью страдания и облегчения. Появляется милиционер, перекрывает дорогу Пастернаку.

Милиционер. Стоп-стоп-стоп, извините, гражданин, туда сейчас нельзя.

Пастернак. Что такое, товарищ? Я там живу!

Пастернак наблюдает, как другие люди в форме оцепляют Гоголевский бульвар, никого не пускают на Волхонку, не пускают к реке, прогоняют от парапета оркестр, оттесняют прохожих.

Милиционер. Вот если хотите и дальше жить, отойдите на безопасное расстояние.

К милиционеру подходит Мандельштам.

Мандельштам. Извините, товарищ милиционер. Хотите я вам свои новые стихи прочту?

Пастернак смотрит на Мандельштама, прищурившись. Милиционер с первого взгляда на тщедушную фигуру Мандельштама в балахоне, понимает, что перед ним сумасшедший.

Милиционер (с ласковой улыбкой). После, гражданин, после. Делу время, потехе, как говорится, час! (ловко отодвигает Мандельштама, подходит к оцеплению, командует куда-то в реку) Давай!

Милиционер машет рукой и затыкает уши. И в этот миг Храм Христа Спасителя взрывается. В толпе потрясение. Разрушается храм, падают маковки, опадает мрамор, осыпаются барельефы с нимбами, валяются, словно спиленные сосны, кресты. Клубы пыли и дыма несутся от Храма на оцепеневшую толпу, заволакивают её, покрывают, заглатывают и навеки скрывают от печального взора небес.

Картина 4.

Квартира Булгаковых. Любовь Евгеньевна Белозёрская вносит бутерброды, ставит на прекрасно сервированный стол. Разбивает рукой клубы дыма, вьющиеся в воздухе. Курят двое играющих в шахматы: Булгаков и Эрдман.

Белозёрская. Ох, накурили!..

Оба играющих не обращают на Белозёрскую внимания. Накрывать на стол Белозёрской помогает домработница Груня.

Эрдман. Вот послушайте, Михаил Афанасьевич, новую басню.

Эрдман молод, но держится с большим достоинством. Он слегка заикается, но, стараясь это скрыть, говорит размеренно, иногда с придыханием протягивая гласные и удваивая согласные. Интонации у него кошачьи, слова он цедит через паузу.

Эрдман (читает).

Вороне где-то Бог послал кусочек сыра...

– Но бога нет! – Не будь придира:

Ведь нет и сыра.

Белозёрская смеётся. Булгаков вдруг встаёт и начинает нервно ходить по комнате, потирая руки.

Булгаков. А мне вот совсем не смешно, Николай Робертович. Совсем! Они думают, что они выбьют из головы людей предрассудки, но ведь нельзя выбить и ничего не вбить взамен. Они уничтожают опору, лишают людей почвы! Я не могу сказать, что я уж очень религиозен, нет, я достаточно легкомысленный человек... Но то, что они делают, это преступление! И этому преступлению нет цены!

Эрдман. Слишком громко. Вспомните, как вели себя эти, с позволения сказать, служители культа... И уж кто-кто, а Иосиф Виссарионович, учась в семинарии, прочувствовал это на своей шкуре наверняка... Как их люди ненавидели, вспомните! И дома их жгли, и резали, и вешали. И нельзя сказать, что уж совсем невинно они страдали.

Булгаков. Ну, уж это вы бросьте. Если человека убивают, то каким бы он ни был мерзавцем, виноват всё же убийца. Естественно, мерзавцев хватало и среди попов... И ежели бы наша власть стала бороться с мерзостью... да даже если бы они попов запретили, чёрт с ними совсем. Не надо причастья, исповедей и крестин, в самом деле, зачем? Но ведь они бога запрещают! Журналы издают, пропагандируют... Безбожную пятилетку объявляют... Хотят, чтобы люди забыли само слово «бог» к тридцать седьмому году.

Эрдман. Помилуйте, где вы это взяли?

Булгаков. Вы что же, Николай Робертович, журнал «Безбожник» не читаете?

Эрдман. А вы-то зачем читаете?

Булгаков. С научными целями. В самом деле, интересно. В любом обществе, начиная с каменного века, были какие-то боги. Теперь идёт колоссальный эксперимент, из-под людей этот фундамент вынимают. Интересно, что с ними будет? Изменятся ли они? И в какую сторону? Вполне возможно, что я ошибаюсь, и они станут лучше, чище, деятельней... Самостоятельней... Но что-то... или кто-то... шепчет мне, что нет, не станут... Всё будет только хуже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.